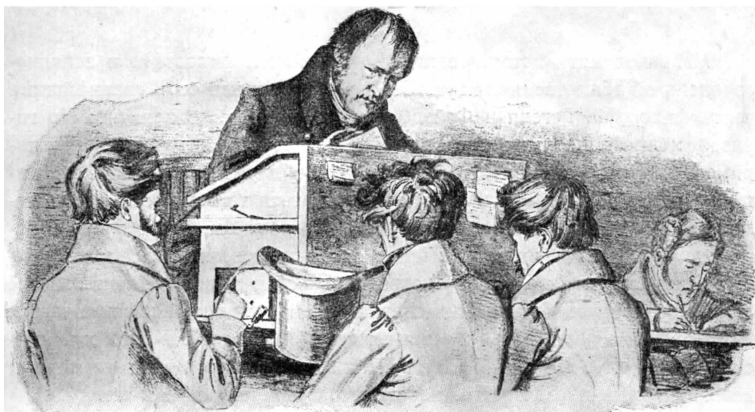

Гегель на кафедрѣ. Съ рис. ф. Куглера.

ГЛАВА I.

ОТЪ ИДЕАЛИЗМА КЪ МАТЕРІАЛИЗМУ.

Г. В. Плеханова.

(Гегель и лѣвые гегельянцы.—Давидъ-Фридрихъ Штраусъ.—Братья Бруно и Эдгаръ Бауеры.—Фейербахъ).

Идеалистическая нѣмецкая философія сыграла чрезвычайно важную роль въ исторіи развитія науки XIX в. Она сильно повліяла даже на естествознаніе. Но несравненно сильнѣе было ея вліяніе на тѣ «дисциплины», которымъ во Франціи присвоено названіе нравственныхъ и политическихъ наукъ. Тутъ вліяніе нѣмецкой идеалистической философіи должно быть признано рѣшающимъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Она выдвинула и отчасти разрѣшила такіе вопросы, рѣшить которые безусловно необходимо для того, чтобы сдѣлалось возможнымъ научное изслѣдованіе процесса общественнаго развитія. Для примѣра достаточно указать на рѣшеніе Шеллингомъ (въ его «System des transzendentalen Idealismus». Tübingen, 1800) вопроса объ отношеніи свободы къ необходимости. Но Шеллингъ былъ только предтечей; самаго полнаго выразителя своего нѣмецкій идеализмъ нашель въ лицѣ Георга Вильгельма Фридриха Гегеля *).

Вполнѣ естественно, что вліяніе Гегеля было всего больше на его родинѣ, въ Германіи. А послѣ Германіи не было страны, на которую такъ сильно повліялъ бы онъ, какъ Россія **).

*) См. выше, т. I, стр. 172—176.

**) Общеизвѣстно послѣдовательное вліяніе Гегеля и Фейербаха на Вѣлинскаго, Фейербаха на Чернышевскаго, который сообщалъ, что въ молодости зналъ наизусть цѣлыя страницы изъ Фейербаха.

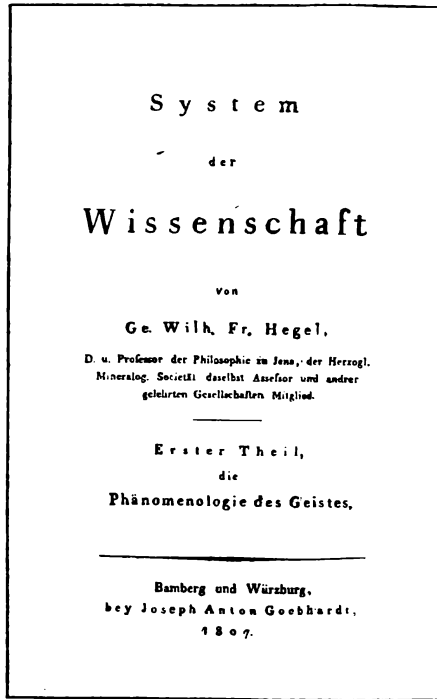
Нельзя понять исторіи западно-европейской философіи и западно-европейской общественной науки XIX в., не уяснив себѣ главнѣйшихъ чертъ философіи Гегеля и Фейербаха. Это само собою понятно. Но гораздо менѣе понятнымъ представляется на первый взглядъ то неоспоримое обстоятельство, что именно къ этимъ двумъ нерусскимъ мыслителямъ приходилось въ свое время обращаться тѣмъ русскимъ писателямъ, которые стремились разрѣшить, казалось бы, чисто русскіе вопросы. Дальнѣйшее изложеніе покажетъ, надѣюсь, что на самомъ дѣлѣ обстоятельство это не заключало въ себѣ ровно ничего удивительнаго. Я пока ограничусь тѣмъ краткимъ замѣчаніемъ, что все дѣло заключается тутъ въ научномъ характерѣ философскихъ системъ Гегеля и Фейербаха. Вотъ этотъ-то характеръ и надо отмѣтить прежде всего, начиная, разумеется, съ Гегеля.

I.

Когда, послѣ насильственного удаленія Н. Г. Чернышевскаго съ литературной сцены, въ нашихъ передовыхъ кругахъ распространилось пренебреженіе къ германской «метафизикѣ», у насъ стали смотрѣть на Гегеля, какъ на мыслителя консервативнаго,—если не реакціоннаго,—по преимуществу. Это была огромная ошибка. Неоспоримо, что въ концѣ своей жизни онъ былъ далеко не тѣмъ, чѣмъ былъ онъ прежде. Въ молодости онъ, вмѣстѣ съ Шеллингомъ, сажалъ на лугу около Тюбингена дерево свободы и наполнялъ листы своего альбома восклицаніями въ родѣ: «vive la liberté!», «vive Jean Jacques!» и т. д. А на склонѣ дней, въ ту пору, когда онъ работалъ надъ своей «Philosophie des Rechts», онъ въ самомъ дѣлѣ (Бѣлинскій правильно понялъ тогдашняго Гегеля) готовъ былъ проповѣдывать философское «примиреніе съ дѣйствительностью». Но главная отличительная черта гегелевой системы заключается вовсе не въ томъ, что ея творецъ на старости лѣтъ дѣлалъ консервативные практическіе выводы изъ своихъ теоретическихъ посылокъ. Система эта занимаетъ одно изъ самыхъ первыхъ мѣстъ,—если не самое первое мѣсто,—въ исторіи философской мысли отнюдь не по той причинѣ, что она пришла къ какимъ-нибудь особенно цѣннымъ практическимъ выводамъ, а потому, что она утвердила нѣкоторыя теоретическія положенія, имѣющія такую огромную важность, что ихъ необходимо должны усвоить не только мыслитель, стремящійся выработать себѣ правильный теоретическій взглядъ на міръ, но и всякій практическій дѣятель, сознательно стремящійся къ переустройству окружающаго его общественного порядка. Гегель самъ говорилъ, что въ философіи главное—методъ, а не результаты, т. е. не тѣ или другіе отдѣльные выводы. Съ точки зрѣнія метода и слѣдуетъ прежде всего смотрѣть на его философію.

Извѣстно, что Гегель называлъ свой методъ діалектическимъ. Почему онъ называлъ его такъ?

Въ своей «Phenomenologie des Geistes» (Феноменологія духа) онъ сравниваетъ человѣческую жизнь съ діалогомъ въ томъ смыслѣ, что подъ влияніемъ жизненнаго опыта наши взгляды постепенно измѣняются, какъ это происходитъ съ мнѣніями разговаривающихъ между собою лицъ въ процессъ богатой духовнымъ содержаніемъ бесѣды. равнивая ходъ развитія сознанія съ ходомъ такой бесѣды, Гегель и обозначилъ его словомъ д і а л е к т и к а, или діалектическое движеніе. Выраженіе діалектика употребляется уже Платономъ, но особенно глубокой, важный смыслъ оно приобрѣло именно у Гегеля. Діалектика есть для него душа всякаго научнаго познанія. Понять ея природу въ высшей степени важно. Она есть принципъ всякаго движенія, всякой жизни, всего того, что совершается въ дѣйствительности. По словамъ Гегеля, все конечное не только ограничено извнѣ, но, въ силу своей собственной природы, отрицаетъ себя и переходитъ въ свою собственную противоположность. Все существующее можетъ быть взято, какъ примѣръ, для объясненія природы діалектики. Все течетъ, все измѣняется, все уничтожается. Гегель сравниваетъ силу діалектики съ божьимъ всемогуществомъ. Діалектика есть та общая непроходимая сила, противъ которой ничто устоять не можетъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ діалектика даетъ себя чувствовать въ каждомъ отдѣльномъ явленіи каждой отдѣльной области жизни. Возьмемъ движеніе. Въ данную минуту движущееся тѣло находится въ данной точкѣ, но въ ту же самую минуту оно находится и внѣ ея, потому что, если бы оно находилось только въ ней, то оно оставалось бы неподвижнымъ. Всякое движеніе есть живое противорѣчіе. Всякое движеніе есть діалектическій процессъ. Но вся жизнь природы есть движеніе. Поэтому, изучая природу, безусловно необходимо становится на діалектическую точку зрѣнія. Гегель рѣзко осуждаетъ тѣхъ естествоиспытателей, которые забываютъ объ

Титульный листъ 1 изд. «System der Wissenschaft» Гегеля (факсимиле).

тѣло находится въ данной точкѣ, но въ ту же самую минуту оно находится и внѣ ея, потому что, если бы оно находилось только въ ней, то оно оставалось бы неподвижнымъ. Всякое движеніе есть живое противорѣчіе. Всякое движеніе есть діалектическій процессъ. Но вся жизнь природы есть движеніе. Поэтому, изучая природу, безусловно необходимо становится на діалектическую точку зрѣнія. Гегель рѣзко осуждаетъ тѣхъ естествоиспытателей, которые забываютъ объ

этомъ *). Но главный упрекъ, выдвигаемый имъ противъ нихъ, заключается въ томъ, что они въ своихъ классификаціяхъ непреходимой пропастью раздѣляютъ одну отъ другой такія вещи, которыя на самомъ дѣлѣ переходятъ одна въ другую, повинувшись непреодолимой силѣ діалектическаго движенія. Послѣдующее торжество трансформизма въ биологіи съ ясностью показало, что упрекъ этотъ имѣлъ подъ собою весьма серьезное теоретическое основаніе. Совершенно то же показываютъ и происходящія на нашихъ глазахъ изумительныя открытія въ химіи. Между тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію, что философія природы есть самая слабая часть въ системѣ Гегеля. Въ «логикѣ», въ «философіи исторіи» и вообще въ философіи общественной жизни, а также въ «философіи духа» Гегель несравненно сильнѣе. Тутъ-то и было особенно благотворно его вліяніе на развитіе общественной мысли XIX в.

Нужно, однако, замѣтить слѣдующее. Точка зрѣнія Гегеля была точкой зрѣнія развитія. Но развитіе можно понимать различно. И теперь еще есть натуралисты, важно повторяющіе: «природа скачкова не дѣлаетъ». То же повторяютъ нерѣдко и социологи: общественное развитіе совершается путемъ медленныхъ, постепенныхъ измѣненій. Гегель утверждалъ, наоборотъ, что какъ въ природѣ, такъ и въ исторіи скачки и не избѣжны. «Измѣненія бытія,—говоритъ онъ,—состоятъ не только въ томъ, что одно количество переходитъ въ другое количество, но также и въ томъ, что качество переходитъ въ количество и наоборотъ; каждый изъ переходовъ этого послѣдняго рода составляетъ перерывъ постепенности (ein Abbrechen des Allmählichen) и даетъ явленію новый видъ, качественно отличный отъ прежняго. Такъ, вода при охлажденіи твердѣетъ не постепенно... а сразу; уже охладившись до точки замерзанія, она остается жидкостью, если только сохраняетъ спокойное состояніе, и тогда довольно малѣйшаго толчка, чтобы она вдругъ сдѣлалась твердой». Развитіе становится понятнымъ только тогда, когда мы рассматриваемъ постепенныя измѣненія какъ процессъ, которымъ подготавливается и вызывается скачекъ (или скачки). Кто хочетъ объяснить возникновеніе даннаго явленія одними медленными измѣненіями, тотъ на самомъ дѣлѣ безсознательно предполагаетъ, что оно уже существуетъ, но остается незамѣтнымъ благодаря своимъ слишкомъ малымъ размѣрамъ. Но при такомъ будто бы объясненіи понятіе возникновенія подмѣняется понятіемъ роста, простого измѣненія величины, т. е. произвольно устраняется именно то, что требовалось объяснить **). Извѣстно, что нынѣшняя биологія вполне признаетъ значеніе «перерывовъ постепенности въ процессѣ развитія животныхъ и растительныхъ видовъ».

Гегель былъ абсолютный идеалистъ. По его ученію, движущей силой процесса мірового развитія служить въ послѣднемъ счетѣ сила абсолютной идеи. Это, конечно, совершенно произвольное и, можно сказать, фантастическое предположеніе. Впослѣдствіи Тренделенбургъ безъ труда

*) И чѣмъ въ его время объ этомъ забывали почти всѣ они.

**) См. Wissenschaft der Logik. Nürenberg, стр. 313, 314.

показаль въ своихъ «Logischen Untersuchungen», что ссылка на идею въ дѣйствительности никогда и ничего не объясняетъ. Но, какъ я уже говорилъ въ другомъ мѣстѣ, Тренделенбургъ, направляя свои удары противъ діалектики, попадалъ собственно только въ ея идеалистическую основу*). Тренделенбургъ былъ совершенно правъ, когда обвинялъ діалектику Гегеля въ томъ, что она «утверждаетъ самопроизвольное движеніе чистой мысли, являющейся въ то же время самозарожденіемъ бытія». Но въ этомъ утвержденіи состоитъ не природа всякой діалектики вообще, а только недостатокъ идеалистической діалектики. Недостатокъ этотъ былъ устраненъ матеріалистомъ Марксомъ, и теперь возраженія Тренделенбурга противъ діалектики потеряли всякій вѣсъ. Но самъ Марксъ прежде, нежели сдѣлаться матеріалистомъ, былъ послѣдователемъ Гегеля.

II.

Гегель ошибался, какъ идеалистъ, т. е. поскольку считалъ силу идеи движущей силой мірового процесса. Но онъ былъ правъ, какъ діалектикъ, т. е. поскольку смотрѣлъ на всѣ явленія подъ угломъ ихъ развитія. Кто смотритъ на явленія съ точки зрѣнія ихъ развитія, тотъ отказывается прилагать къ нимъ мѣрку того или другого отвлеченнаго принципа. Это превосходно выяснилъ у насъ Чернышевскій. «Все зависитъ отъ обстоятельствъ, отъ условій мѣста и времени», писалъ онъ въ своихъ «Очеркахъ Гоголевскаго періода русской литературы», характеризуя главную отличительную черту діалектическаго взгляда на явленія. Этотъ взглядъ былъ особенно плодотворенъ въ публицистикѣ и въ общественныхъ наукахъ, въ которыхъ стало привычкой произносить приговоры объ явленіяхъ, опираясь на тотъ или другой отвлеченный, разъ навсегда принятый, принципъ: не даромъ эти науки назывались у французовъ «Sciences morales et politiques» (нравственныя и политическія науки). «Отвлеченной истины нѣтъ, истина всегда конкретна», продолжалъ Чернышевскій въ томъ же очеркѣ. И для примѣра онъ указывалъ, между прочимъ, на войну. «Пагубна или плодотворна война? Вообще нельзя отвѣтить на это рѣшительнымъ образомъ; надобно знать, о какой войнѣ идетъ дѣло. Для образованныхъ народовъ война приноситъ менѣе пользы и болѣе вреда. Но... война 1812 г. была спасительна для русскаго народа; марашонская битва была благодѣтельнойшимъ событіемъ въ исторіи человѣчества». Это правильно. Но если это правильно, то лишается смысла и вопросъ о томъ, какой именно социальнo-политическій строй долженъ быть признанъ самымъ лучшимъ: здѣсь вѣдь тоже все зависитъ отъ обстоятельствъ, отъ условій мѣста и времени. Такимъ образомъ, философія Гегеля безпощадно осуждала утопизмъ. Ученикъ Гегеля могъ, сохраняя вѣрность методу своего учителя, стать социалистомъ только въ томъ случаѣ, если бы научное изслѣдованіе современнаго экономическаго строя привело его къ тому выводу, что его внутрен-

*) См. предисловіе къ моему переводу брошюры Энгельса «Людвигъ Фейербахъ».

нее закономерное развитие ведет къ возникновенію социалистическаго порядка. Соціализм долженъ былъ сдѣлаться наукой или перестать существовать. Въ виду этого понятно, почему основатели научнаго социализма, Марксъ и Энгельсъ, вышли именно изъ школы Гегеля.

Возьмемъ другой примѣръ. Ж. Б. Сэй объявилъ бесполезнымъ изученіе исторіи политической экономіи на томъ основаніи, что до Адама Смита,—послѣдователемъ котораго онъ, по недоразумѣнію, считалъ

себя,—всѣ экономисты держались ошибочныхъ взглядовъ. Совсѣмъ иначе смотрѣлъ на исторію философіи современникъ Ж. Б. Сэй—Гегель. Въ его глазахъ философія была самопознаніемъ духа. Такъ какъ духъ идетъ впередъ, такъ какъ онъ развивается вмѣстѣ съ ходомъ развитія челоуѣчества, то не сидитъ на одномъ мѣстѣ и философія. Каждая, теперь «превзойденная», философская система являлась умственнымъ выраженіемъ своего времени (seine Zeit in Gedanken erfasst), и въ этомъ состоитъ ея относительное оправданіе. Кромѣ того, «послѣдняя по времени философія есть результатъ всѣхъ предшествовавшихъ философій и потому должна заключать въ себѣ принципы ихъ всѣхъ» *).

Только при такомъ взглядѣ на исторію философіи она и могла стать предметомъ внимательнаго, научнаго, изученія. И хотя Гегеля не безъ основанія обвиняли въ томъ, что временами онъ довольно безцеремонно обращался съ историческими данными, располагая ихъ сообразно нуждамъ своей собственной философской системы **), но все-таки не подлежитъ сомнѣнію, что его «Vorlesungen über die Geschichte der

Encyclopädie
der
philosophischen Wissenschaften
im **Grundrisse.**

Zum Gebrauch seiner Vorlesungen

von

D. Georg Wilhelm Friedrich Hegel,

Professor der Philosophie an der Universität

zu Heidelberg.

Heidelberg,

in Verlag Schwab's Universitätsbuchhandlung.

1817.

Титульный листъ изд. «Encyclopädie der philosophischen Wissenschaft im Grundrisse» Гегеля (факсимиле).

ванія обвиняли въ томъ, что временами онъ довольно безцеремонно обращался съ историческими данными, располагая ихъ сообразно нуждамъ своей собственной философской системы **), но все-таки не подлежитъ сомнѣнію, что его «Vorlesungen über die Geschichte der

* Vorlesungen über die Geschichte der philosophischen Wissenschaften, § 13.

** См. также, что именно воздвигло его въ этотъ грѣхъ.

Philosophie» до сихъ поръ представляютъ собою наилучшую исторію философіи, т. е. самую поучительную, проливающую самый яркій свѣтъ на теоретическое содержаніе различныхъ философскихъ ученій.

Съ той же діалектической точки зрѣнія смотрѣлъ Гегель на право, на нравственность, на искусство, на религію. И всѣ эти «дисциплины» изучались имъ во взаимной связи. Онъ училъ, что «только при данной религіи можетъ существовать данная форма государственнаго устройства, только при данномъ государственномъ устройствѣ возможно существованіе данной философіи и даннаго искусства» *). Такой взглядъ истолковывается иногда очень поверхностно: говорятъ, что каждая изъ многочисленныхъ сторонъ общественной жизни вліяетъ на всѣ остальные и, въ свою очередь, испытываетъ на себѣ вліяніе всѣхъ остальныхъ. Это—извѣстное ученіе о взаимодѣйствіи общественныхъ явленій. Но хотя Гегель и признавалъ это ученіе, онъ считалъ, однако, что нельзя останавливаться на немъ.

«Недостаточность пріема, заключающагося въ разсмотрѣніи явленія съ точки зрѣнія взаимодѣйствія,—говоритъ онъ,—состоитъ въ томъ, что отношеніе взаимодѣйствія, вмѣсто того, чтобы служить эквивалентомъ понятія, «само еще должно быть понято». Это значитъ вотъ что. Если мнѣ удалось открыть, что государственное устройство данной страны вліяетъ на ея религію, а ея религія вліяетъ на ея государственное устройство, то мое открытіе, разумѣется, принесетъ мнѣ свою долю пользы; однако, оно вовсе еще не объяснитъ мнѣ, откуда же собственно взялись эти взаимодѣйствующія явленія: данное государственное устройство и данная религія. Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, я долженъ взглянуть на дѣло глубже и, не довольствуясь взаимодѣйствіемъ между религіей и государственнымъ устройствомъ, постараться обнаружить ту общую основу, на которой покоится и государственное устройство и религія. Гегель превосходно выразилъ это, сказавъ, что «причина не только имѣетъ дѣйствіе, въ дѣйстви она, какъ причина, вступаетъ въ отношеніе къ самой себѣ» **), и что взаимодѣйствующія стороны не могутъ приниматься, какъ непосредственныя данныя, а должны быть поняты, какъ моменты чего-то третьяго, «высшаго».

Въ методологическомъ отношеніи требованіе это было крайне важно потому, что побуждало доискиваться той коренной причины, которую вызываетъ въ послѣднемъ счетѣ историческое движеніе человѣчества. Самъ Гегель, въ качествѣ идеалиста, считалъ коренной причиной этого движенія всемірный духъ. Исторія есть не болѣе, какъ его «изложеніе и осуществленіе», т. е., говоря проще, движеніе. Движеніе это совершается ступенями. Каждая отдѣльная ступень имѣетъ свой особый принципъ, носителемъ котораго служить, въ данную эпоху, извѣстный народъ, являющійся тогда какъ бы избраннымъ народомъ. И этотъ особый принципъ опредѣляетъ собою весь духъ эпохи.

*) Philosophie der Geschichte. Dritte Auflage, Einleitung, стр. 66.

**) Wissenschaft der Logik. Zweites Buch, dritter Abschnitt, «Die Wechselwirkung».

«Въ свойствахъ народнаго духа,—говорить Гегель,—конкретно выражаются всѣ стороны сознанія и воли каждаго даннаго народа, вся его дѣйствительность; они налагаютъ свою печать на его религію, на его политическій строй, на его нравственность, на его право, на его обычай, а также на его науку, на его искусство, на его технику. Всѣ эти частныя свойства объясняются общими свойствами народнаго духа, равно какъ и наоборотъ—эти общія свойства могутъ быть выведены изъ изучаемыхъ исторіей фактическихъ частныхъ народнаго быта» *).

Извѣстно, что ссылками на свойства народнаго духа много злоупотребляли въ общественной наукѣ и въ публицистикѣ. Но злоупотреблять можно всякой данною теоріей, особенно тогда, когда она уже отживаетъ свое время. Само по себѣ ученіе о томъ, что «духъ» даннаго народа отличается, на данной степени развитія этого послѣдняго, особыми свойствами, вовсе не такъ ошибочно, какъ это можно подуматъ, читая разсужденія иныхъ націоналистовъ. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что «общественный человѣкъ» обладаетъ извѣстной психикой, свойствами которой опредѣляются всѣ создаваемые имъ идеологіи. Эту его психику можно назвать, если угодно, его духомъ. Разумѣется, необходимо всегда помнить, что психика общественнаго человѣка развивается, т. е. измѣняется. Но Гегель хорошо зналъ это. Нужно, кромѣ того, имѣть въ виду, что психика общественнаго человѣка не объясняетъ его историческаго движенія, а сама объясняется имъ. Но тутъ у Гегеля выходило наоборотъ: «Духомъ» всякаго даннаго народа объяснялась его историческая судьба, равно какъ и вся его дѣйствительность, т. е. весь его общественный бытъ. Это ошибка. Происхожденіе этой ошибки вполнѣ понятно. Въ качествѣ идеалиста, Гегель былъ убѣжденъ, что бытіе опредѣляется сознаніемъ, а не наоборотъ. Примѣните этотъ общій идеалистическій взглядъ къ исторіи, и у васъ выйдетъ, что общественное бытіе опредѣляется общественнымъ сознаніемъ, или,—если вы предпочитаете такъ выразиться,—народнымъ духомъ. Потому-то Гегель и говорилъ, что духомъ всякаго даннаго народа опредѣляется,—замѣтьте, однако, только въ послѣдней инстанціи,—не только его искусство, его религія и его философія, т. е. не только вся совокупность его идеологій, но также и его политическій строй и даже его техника и вся совокупность его общественныхъ отношеній. Его ошибка была замѣчена только тогда, когда обнаружилась несостоятельность общей (идеалистической) основы его философіи,—да и то далеко не сразу. Каждая ступень развитія всемірнаго духа представляется на исторической сценѣ отдѣльнымъ народомъ. Нынѣшняя историческая эпоха есть эпоха германской культуры. По ученію Гегеля, народъ, представляющій собою высшую ступень развитія всемірнаго духа, имѣетъ право смотрѣть на другіе народы.

*) Philosophie der Geschichte, Einleitung, Ср. 79 стр. также Grundlinien der Philosophie des Rechts, параграфы 344 и 352.

какъ на простыя орудія достиженія его историческихъ цѣлей. Это надо замѣтить. Если теперь нѣмцы не церемонятся съ побѣжденными, то въ этомъ есть, къ сожалѣнью, капля гегелева меда.

Но славянскіе народы, конечно, не могли охотно признать германской гегемоніи. Въ славянскихъ странахъ еще со временъ Шеллинга часть интеллигенціи усердно занималась вопросомъ о томъ, какую именно степень развитія всемірнаго духа суждено представлять этимъ народамъ.

Выше я сказалъ, что Гегеля нерѣдко упрекали въ произвольномъ расположеніи фактовъ,—историческихъ и другихъ,—ради интересовъ своей системы. Теперь я прибавлю, что, оставаясь идеалистомъ, онъ и не могъ совершенно отказаться отъ извѣстнаго произвола въ обращеніи съ фактическими данными. Но этимъ грѣхомъ онъ грѣшилъ все-таки меньше другихъ строителей идеалистическихъ системъ. Очень ошибаются тѣ, которые, не будучи знакомы съ гегелевой философій исторіи, наивно полагають, будто онъ никогда не опускался въ ней на конкретную, историческую почву *). Напротивъ, онъ часто дѣлалъ это, и когда онъ это дѣлалъ, тогда его философско-историческія соображенія проливали яркій свѣтъ на многие важные вопросы историческаго развитія человѣчества. Вотъ, напримѣръ, говоря о паденіи Спарты, онъ не довольствуется тѣмъ, что можно сказать о немъ, оставаясь на точкѣ зрѣнія «всемірнаго духа», а ищетъ его причины въ неравенствѣ имуществъ (Ungleichheit des Besitzes). Ростомъ имущественнаго неравенства объясняетъ онъ и происхожденіе государства, а исторической основой брака этотъ абсолютный «идеалистъ» считалъ земледѣліе. Гегель любилъ повторять, что при ближайшемъ разсмотрѣніи идеализмъ оказывается истиной матеріализма. Только что приведенные примѣры,—а я легко могъ бы увеличить ихъ число,—убѣдительно показываютъ, что на самомъ дѣлѣ въ его собственной философій исторіи выходило, при ближайшемъ разсмотрѣніи, наоборотъ: матеріализмъ оказывался истиной идеализма **). Это обстоятельство пріобрѣтеть въ нашихъ глазахъ немаловажное значеніе, если мы вспомнимъ, что основателями теоріи историческаго матеріализма явились въ послѣдствіи Марксъ и Энгельсъ, бывшіе сначала гегельянами.

III.

Кто смотритъ на общественныя отношенія съ точки зрѣнія ихъ развитія, тотъ не можетъ быть пассивнымъ зрителемъ.

Герценъ, ознакомившись съ философій Гегеля, назвалъ ее алгеброй революціи. Если такая оцѣнка не была чужда извѣстнаго преувеличенія, то все таки неоспоримо, что пока Гегель оставался вѣрнымъ своему могучему діалектическому методу, онъ былъ сторонникомъ

*) Его собственное выраженіе.

**) Подробнѣе объ этомъ говорится въ моемъ сборникѣ «Критика нашихъ критиковъ» (Спб. 1906 г.), въ статьѣ: «Къ шестидесятилѣтію смерти Гегеля».

поступательнаго движенія. Заканчивая свои чтенія по исторіи философіи, онъ говорилъ, что всемірный духъ никогда не стоитъ на одномъ мѣстѣ, такъ какъ движеніе впередъ и составляетъ его интимную природу. «Иногда кажется,—допускалъ Гегель,—что всемірный духъ останавливается, что онъ утрачиваетъ свое вѣчное стремленіе къ самопознанію. Но это только такъ кажется. На самомъ дѣлѣ въ немъ совершается тогда глубокая внутренняя работа, незамѣтная до тѣхъ поръ, пока не обнаружатся достигнутые ею результаты, пока не разлетится въ прахъ кора устарѣлыхъ взглядовъ, и самъ онъ, помолодѣвъ, не двинется впередъ семимильными шагами. Гамлетъ восклицаетъ, обращаясь къ духу своего отца: «Подземный кротъ, ты роешь славно!» То же можно сказать и о всемірномъ духѣ: «онъ роетъ славно!» *)

Это все, что хотите, но не философія охранителя существующаго порядка вещей!

Какъ извѣстно, Гегеля упрекали въ консерватизмъ на основаніи провозглашеннаго имъ тождества разумнаго съ дѣйствительнымъ. Но, сами по себѣ, слова: «что дѣйствительно, то разумно; что разумно, то дѣйствительно» (*Was wirklich ist, das ist vernünftig; was vernünftig ist, das ist wirklich*) вовсе не указываютъ на готовность Гегеля примириться со всякимъ даннымъ общественнымъ порядкомъ или хотя бы только со всякимъ даннымъ общественнымъ учрежденіемъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно было бы вспомнить, какъ относился онъ къ чрезмѣрной власти отца въ римской семьѣ. По Гегелю, далеко не все существующее дѣйствительно. Онъ такъ и говорилъ: «дѣйствительность выше существованія» (*die Wirklichkeit steht höher, als die Existenz*). Дѣйствительное—необходимо. А между тѣмъ, необходимо далеко не все то, что существуетъ. Какъ мы уже знаемъ, всемірный духъ не стоитъ на одномъ мѣстѣ. Его вѣчное движеніе, его неустанная работа мало-по-малу лишаетъ данный общественный порядокъ его необходимаго содержанія, превращаетъ его въ пустую, отжившую свое время форму и потому дѣлаетъ необходимымъ замѣну его новымъ порядкомъ. Если дѣйствительное—разумно, то обязательно помнить, что вѣдь и разумное—дѣйствительно. А если разумное—дѣйствительно, то изъ этого слѣдуетъ, что нѣтъ и не можетъ быть инстанціи, способной остановить его поступательное диалектическое движеніе. Не даромъ же Гегель опредѣлялъ диалектику какъ всеобщую непреодолимую силу, которая должна разрушить даже все наиболѣе устойчивое.

IV.

«Все течетъ, все измѣняется! Нельзя вступить дважды въ тотъ же самый потокъ и къ смертной сущности никто не прикоснется дважды». Такъ говорилъ глубокой («темной») эфескій мыслитель. И та же мысль,—

*) *Über die Geschichte der Philosophie*. Т. III, стр. 685.